

УДК 331.526:316.334.55(571.513)

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ТРУДОВЫЕ ПРАКТИКИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ХАКАСИИ)

Лушникова Ольга Леонидовна,
oltolt@mail.ru

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Россия, 655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23

Лушникова Ольга Леонидовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

*Социально-экономическая ситуация в сельской местности, связанная с безработицей, меняет трудовое поведение сельского населения. Особенно в непростом положении находится население отдаленных территорий, возможности которого существенно ограничены. Жители таких поселений вынуждены искать разные способы заработка в месте своего проживания и чаще находят их в неформальном секторе экономики. Однако неформальная занятость носит преимущественно случайный характер, не обеспечивает социальных гарантий и является низкооплачиваемой, что провоцирует рост бедности и приводит к обострению социальных противоречий на селе. **Цель работы** – выявление практик неформальной занятости и их влияние на материальное благополучие сельских жителей, проживающих вдали от районных или городских центров (исследование проводилось в Республике Хакасия). **Методы:** эмпирической базой для исследования послужили данные социологического опроса 2022 г. среди жителей удаленных сел Хакасии. Опрашивалось население больших (от 500 до 1000 чел.) и малых (до 500 чел.) сел. Объем окончательной выборки составил 404 чел. Использовались также результаты интервью (33 чел.). **Результаты:** жители удаленных сельских территорий достаточно активны в плане вторичной занятости, хотя она чаще носит вынужденный характер. Дополнительная занятость часто официально не оформляется, либо оформляется на неполную ставку, хотя объем работы соответствует полной ставке, и, как правило, не приносит ощутимого дохода. Наиболее распространенной практикой неформальной занятости на селе являются случайные заработки, причем сельские жители занимаются как традиционными, так и нетрадиционными видами деятельности. В больших селах дополнительная занятость положительно сказывается на улучшении материального благополучия сельчан, а в малых селах этому больше способствует ведение личного подсобного хозяйства, в частности разведение скота.*

Ключевые слова: неформальная занятость, вторичная занятость, эпизодическая занятость, случайные заработки, личное подсобное хозяйство, село, Хакасия.

Введение

Под *неформальной экономикой* понимают совокупность видов хозяйственной деятельности, полностью или частично не подчиненных государственному регулированию, не подкрепленных формальными контрактами и не фиксируемых статистическим и налоговым учетом [1]. По разным оценкам, удельный вес неформально занятых составляет от 2,5 до 30 % от общей численности занятых [2]. Распространение неформальной занятости приводит к обострению социальных противоречий, поскольку из-за отсутствия гарантий и низкого и нерегулярного заработка проблема неформальной занятости превращается в *проблему бедности* [3]. Причем наиболее уязвимой, по мнению исследователей, является молодежь, не имеющая достаточного опыта и необходимых

на рынке труда навыков [4] и потому чаще остальных попадающая в категорию неформально занятых. В целом, по мнению исследователей, *неформальность* в отношениях между работником и работодателем – это проблема не данных субъектов, а государства и общества, когда государство недополучает необходимые для развития средства в виде налогов, а общество деформируется от социально ориентированного в сторону эгоистически безразличного [5].

Основными признаками, характеризующими неформальную занятость, можно считать отсутствие формального трудоустройства [6], возможность работодателя расторгнуть в любое время трудовые отношения с работником [7], временный характер работы [8] или скользящий график [9], низкий уровень гарантий и оплаты труда, отсутствие перспектив карьерного роста, психологическое состояние подавленности, страха и др. [10]. Для работника это означает, что он социально не защищен: ему не оплачивают больничные листы, не засчитывается трудовой стаж, не производятся отчисления в пенсионный фонд и т. д. Как отмечают исследователи, неформально занятые люди представляют собой самые уязвимые группы, которым присущ ярко выраженный характер *прекаризованного* труда, неустойчивого социально-экономического положения, обделенности полноценной правовой защиты [11, с. 100]. Причины, по которым люди соглашаются на такую работу, разные. Во-первых, отсутствие альтернативной работы; во-вторых, отсутствие у самого работника профессионально-квалификационных умений, необходимых для выполнения работы в рамках формальных трудовых отношений; в-третьих, сезонный или временный (разовый) характер работы; в-четвертых, нежелание тратить время на оформление необходимых для трудоустройства документов; в-пятых, убыточность или отсутствие прибыли при оформлении формальной занятости (например, самозанятости) и пр.

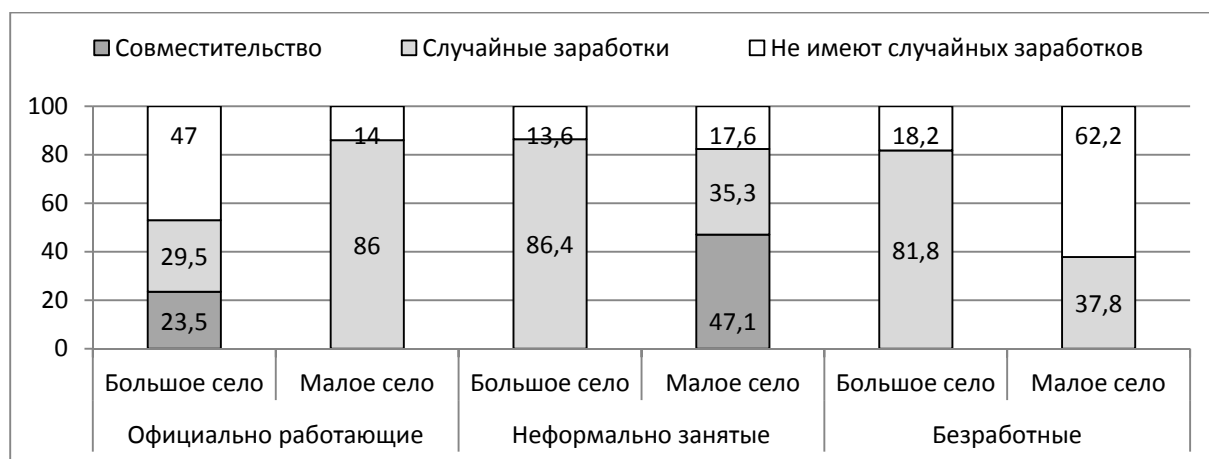
Для сельской местности неформальная занятость – привычное явление. Традиционная система занятости, характерная для сельских территорий, была практически полностью разрушена, а адекватной замены разрушенному выстроено не было [12]. Из-за отсутствия работы сельские жители вынуждены искать разные способы заработка, в том числе и в неформальном секторе. Распространенной практикой на селе являются случайные заработки [13]. В отсутствие какой-либо работы жители села вынуждены оказывать платные услуги более состоятельным сельчанам – белить, сажать, выкапывать картофель и т. д. [14]. К неформальной занятости также можно отнести производственную деятельность в домашнем хозяйстве, ориентированную на рынок [15], сбор и реализацию дикоросов, охоту и рыболовство [16]. В наиболее сложном положении находятся жители удаленных и особенно малых сел, экономическая деятельность которых во многом остается неформальной [17] и возможности которых по сравнению с проживающими в крупных поселениях более ограничены.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой исследования послужили материалы опроса 2022 г. среди населения удаленных некрупных сел Хакасии. Среди некрупных были выделены большие села (с населением от 500 до 1000 чел.) и малые (с населением менее 500 чел.). Всего было охвачено шесть больших сел и четыре малых. Объем выборки составил 404 чел. Также было проведено 33 полуформализованных интервью. Использовался анализ корреляций по Пирсону. Данные обрабатывались с помощью SPSS Statistics 19.

Вторичная и эпизодическая занятость

Рост благосостояния определяется не только ростом зарплат на основной работе, но и включением в орбиту занятости практически всех взрослых членов семей [18], в том числе во вторичную. Она может быть и формальной, и неформальной, а также постоянной или эпизодической. Результаты проведенного исследования показали, что большинство жителей удаленных сел имеют вторичную занятость (63,4 %), хотя работающих на постоянной основе немного (рис. 1).

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 1. Вторичная и эпизодическая занятость жителей удаленных сел, в % опрошенных

Fig. 1. Additional and episodic employment of remote rural population, in % of respondents

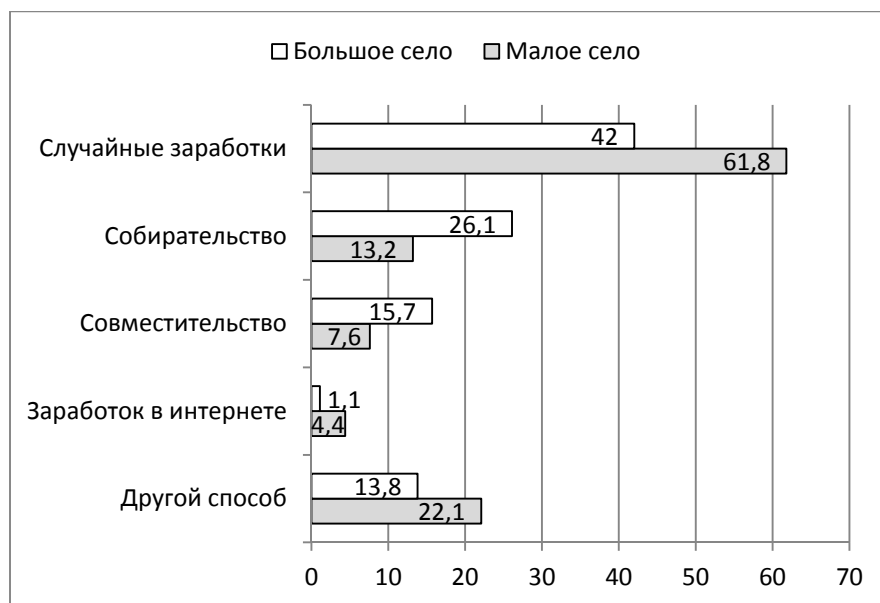
Работающих по совместительству больше в малых селах, причем среди тех, кто работает неформально (47,1 %). Например, в сфере торговли нередки случаи совмещения должности продавца и уборщицы: «да, полы еще тут мою» (женщина, 38 лет, продавец, малое село). В больших селах, наоборот, чаще совмещают работу официально трудоустроенные сельчане (19 %), например, в бюджетных организациях: «Я еще библиотекарем работаю на полставки, удобно, потому что библиотека в школе находится... после уроков раз – и в библиотеке» (женщина, 37 лет, учитель начальных классов, большое село).

Временная работа в рамках формальных трудовых отношений в основном связана с замещением должностей во время отпусков: «родственники в отпуск уходят, за них работаю» (женщина, 24 года, работник школы, большое село) или с работой во время выборов: «сижу в избирательной комиссии раз в год» (женщина, 44 года, учитель, большое село). У неофициально трудоустроенных сельчан случайные заработки носят сезонный или эпизодический характер «в зиму кочегаром работаю» и «машины кому надо ремонтирую» (мужчина, 40 лет, безработный, малое село).

Для безработных эпизодическая занятость представляется одним из немногих доступных источников средств существования, и в больших селах много безработных, имеющих случайные заработки (81,8 %), однако в небольших деревнях таких безработных немного (37,8 %). Но среди них оказалось много опрошенных, которые занимаются разведением скота (75 %). Вполне вероятно, именно по этой причине они меньше вовлечены в эпизодическую занятость.

Случайные заработки

Случайные заработки являются одной из распространенных практик неформальной занятости в сельской местности. Они связаны с выполнением разовых работ, предоставлением услуг, собирательством и т. п., причем доход от них может быть представлен не только в денежной форме, но и в натуральной (в виде продуктов, вещей, материалов или даже в виде услуги). Согласно результатам проведенного исследования, большинство опрошенных сельчан определили свою вторичную или эпизодическую занятость как случайные заработки, особенно в малых селах (рис. 2).

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 2. Практики вторичной и эпизодической занятости жителей удаленных сел, в % опрошенных

Fig. 2. Practices of additional and episodic employment of remote rural population, in % of respondents

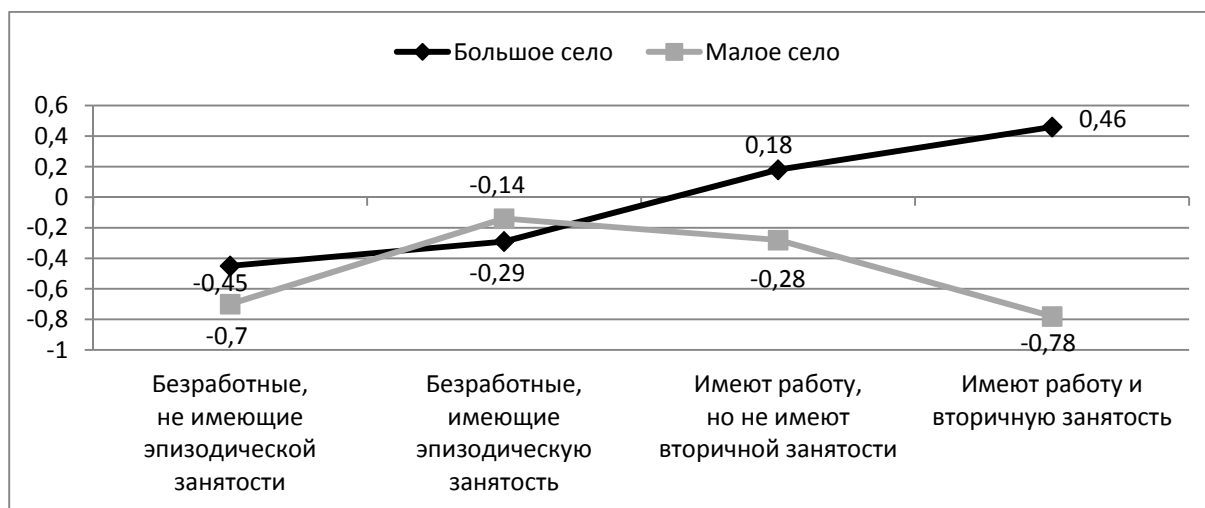
Спектр таких случайных работ довольно широк. Прежде всего это работы, связанные с ведением личного подсобного хозяйства. Сельские жители нанимают своих односельчан для посадок и сбора урожая или для ухода за скотом: «картошку нанимают сажать, тяпать, окучивать» (женщина, 38 лет, безработная, большое село), «плужком огороды пропахиваю» (мужчина, 52 года, безработный, большое село), «баранов иногда нанимают пасти» (мужчина, 53 года, безработный, малое село), «овечек стрижем» (женщина, 56 лет, пенсионер, малое село). Нередко к сельчанам обращаются за услугами разнорабочего: «дрова колю» (женщина, 63 года, пенсионер, большое село), «стайки чищу» (мужчина, 27 лет, безработный, малое село), «в сельском совете площадку красила» (женщина, 20 лет, студентка, большое село) и пр.

Собирательство является традиционным способом приработка в сельской местности, и сельские жители регулярно занимаются сбором дикоросов: «я сезонно езжу по облетиху, мы утром уезжаем, вечером приезжаем... собираем, сразу там сдаем приемищикам и домой» (женщина, 38 лет, безработная, большое село), «грибы собираем, папоротник, орешничаем» (мужчина, 56 лет, безработный, малое село), «рыбу ловим» (женщина, 48 лет, учитель, малое село).

Как отмечают исследователи, сельским жителям присущи такие традиционные социальные качества, как терпение, умение выживать, обладая лишь скудными ресурсами, солидарность с сообществом, в котором протекает повседневность [19]. Поэтому сельчане прибегают и к нетрадиционным способам заработка. Например, в одном населенном пункте сельские жители разбирают старые постройки на строительные материалы: «дойные гурты разбираю на кирпичи, чищу кирпичи, бетонные плиты... в месяц делаю 10 тыс. кирпичей, 1 кирпич – 2 руб., иногда хватает, порой – нет» (мужчина, 53 года, безработный, малое село).

Влияние вторичной и эпизодической занятости на достаток сельчан

Для безработных сельчан случайные заработки являются одним из основных источников средств существования, но для работающего населения вторичная занятость – это дополнительный способ заработка. В исследовании выяснялось, насколько вторичная занятость и случайные заработки способствуют улучшению материального положения. Для этого было произведено сравнение материального достатка нескольких категорий опрошенных: безработных, не имеющих эпизодической занятости; безработных, имеющих случайные заработки; работающих сельчан, не вовлеченных во вторичную занятость; работающих сельчан, имеющих дополнительную занятость (рис. 3). Оценка уровня материального достатка производилась на основе ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?». Каждому ответу было присвоено численное значение в порядке возрастания, где 1 – «денег не хватает даже на питание», а 6 – «можем позволить себе купить почти всё». Для более корректного сравнения значения этой переменной были приведены к единому диапазону значений с помощью процедуры стандартизации. Так как после стандартизации число значений переменной увеличилось, использовался метод сравнения средних: в данном случае сравнивались средние значения переменной «материальное положение» среди выделенных групп респондентов.

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 3. Уровень материального положения безработных и работающих сельчан, индекс
Fig. 3. Level of the material well-being of rural unemployed and employed, index

Оказалось, что в больших селах наличие работы и вторичной занятости положительно коррелирует с материальным положением ($r = 0,328$ при $p \leq 0,01$), то есть дополнительная занятость у работающих сельчан и случайные заработки у безработных способствуют повышению их материального достатка. Однако в малых селах статистически значимых различий не было обнаружено. Согласно рис. 3, в небольших поселениях у работающих сельчан, вовлеченных во вторичную занятость, самые низкие значения материального положения, а у безработных сельчан, периодически имеющих случайные заработки, наоборот, – самые высокие. Оказалось, что последние активно занимаются ведением личного подсобного хозяйства, в частности разведением скота, которое в условиях малого села более ощутимо сказывается на улучшении материального положения ($r = 0,213$ при $p \leq 0,05$), нежели эпизодическая занятость (отсутствует статистически значимая связь).

В целом доход от вторичной или эпизодической занятости сложно рассматривать в качестве главного источника дохода, поскольку, по мнению большинства опрошенных, вырученных от случайных заработков средств хватает преимущественно только на мелкие покупки (75 %). Или, как отметил один респондент, «*долги раздал, и опять нету*» (мужчина, 52 года, безработный, большое село). Хотя некоторые сельчане полагают, что все зависит от того, «*кто как поработает*» (женщина, 61 год, работающий пенсионер, малое село). По мнению исследователей, на селе появилась прослойка населения, *отвыкшая работать* [20,]. Есть такие сельчане и среди безработных. Свою невовлеченность в эпизодическую занятость они объясняют нехваткой сил и времени (42,9 %), отсутствием необходимости в дополнительном заработке (28,6 %), просто нежеланием (11,9 %).

Вывод

В условиях удаленного проживания от городских или районных центров проблема труда и занятости для сельских жителей является особенно острой. Возможности маятниковой трудовой миграции ограничены, причем не только из-за собственно удаленности, но и по причине отсутствия собственного транспорта или нерегулярного графика общественного транспорта, который может ходить всего несколько раз в неделю, дополнительных трат на проезд, плохого состояния дорог и т. д. Поэтому жители удаленных сел больше ориентированы на поиск способов заработка преимущественно в месте своего проживания. С одной стороны, большая часть сельчан вовлечена во вторичную или эпизодическую занятость (работает по совместительству или периодически подрабатывает), но с другой – такая занятость осуществляется преимущественно в неформальном секторе экономики и носит вынужденный характер. Дополнительная занятость при совместительстве (например, продавец и уборщица) часто официально не оформляется, либо оформляется на полставки (например, учитель и библиотекарь), но объем выполняемой работы, как правило, соответствует объему полной ставки. Эпизодическая занятость не приносит ощутимого дохода: его, как правило, хватает лишь на мелкие покупки.

В нынешних условиях в более выгодном положении все-таки находятся сельчане, имеющие постоянную работу. Причем в больших поселениях дополнительная к основной работе занятость заметно улучшает материальное положение сельчан, а в малых селах наиболее ощутимому повышению достатка способствует ведение личного подсобного хозяйства, в частности разведение скота. Поэтому можно сделать вывод о разности стратегий трудового поведения жителей разных сел в условиях удаленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 31–39.
2. Капелюшников Р.И. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2013. – № 4 (20). – С. 52–83.
3. Водопьянова А.И., Леонова Л.А. Исследование характера неформальной занятости // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 6 (240). – С. 13–23.
4. Msigwa R., Kipasha E.F. Determinants of youth unemployment in developing countries: Evidence from Tanzania // Journal of Economics and study sustainable development. 2013. – № 4 (14). – P. 67–76.
5. Белов Е.А. Неформальная занятость населения в социально-философском измерении // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 111–119. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-111.
6. Каримов А.Г., Фаткуллина Г.Р. Неформальная занятость как фактор бедности работающего населения // Фундаментальные исследования. – 2021. – № 1. – С. 61–65. DOI: 10.17513/fr.42950.
7. Сергеева Ю.А. Метаморфозы труда: современные интерпретации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2019. – № 3 (17). – С. 35–45. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-35-45.
8. Барышева Г.А., Барышев А.А., Чан Т.Б.Н. Трансформация характера занятости и трудовой жизни в постфордистскую эпоху // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2022. – № 4 (47). – С. 146–154. DOI: 10.18799/26584956/2022/4/1434.
9. Нестандартная занятость как форма использования рабочего времени (российский и зарубежный опыт) / А.А. Разумов, И.В. Цыганкова, Г.В. Антонова, О.Ю. Никишина. – М.: Дашков и Ко, 2017. – 171 с.
10. Санкова Л.В. Прекаризация занятости в современной экономике: системный риск или «особая» форма флексибилизации // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – № 4 (194). – С. 44–53. DOI: 10.12737/7400.
11. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. – М.: Наука, 2018. – 350 с.
12. Соловченко С.А. Трансформация структуры занятости сельского населения Приамурья в современных российских условиях // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 4. – Т. 16. – С. 184–188.
13. Аверкиева К.В. Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей российского Нечерноземья // Известия Российской академии наук. Серия Географическая. – 2016. – № 1. – С. 25–37. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-1-25-37.
14. Бильтрикова А.В. Проблема бедности сельского населения Республики Бурятия // Современные исследования социальных проблем: электронный журнал. – 2012. – № 9 (17). – С. 31.
15. Шабанов В.Л. Ресурсы сельских домохозяйств как фактор производственного потенциала АПК // Островские чтения. – 2018. – № 1. – С. 31–35.
16. Копылова Ю.В. Социальное предпринимательство как один из видов альтернативной занятости в сельской местности // Развитие рынка труда на современном этапе социально-экономических преобразований: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2020. – С. 47–52.
17. Субракова Л.К. Оценка неформальной экономики малых сел Республики Хакасия // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. – 2019. – Т. 8. – № 3. – С. 90–100. DOI: 10.12737/article_5d7b46c5d4d2f4.32281713.
18. Шабанов В.Л. Структурные особенности сельской бедности и способы ее преодоления // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2020. – № 4. – С. 83–89.
19. Великий П.П., Мореханова М.Ю. Идентичность современного аграрного социума с крестьянской традиционностью как социальный ресурс функционирования аграрного сектора // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 1. – С. 14–22.
20. Асланов Ш.С., Передерий В.А. Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий Краснодарского края (по материалам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. – 2019. – № 10 (140). – С. 24–29.

Поступила: 27.01.2023.

Принята после рецензирования: 03.03.2023.

UDC 331.526:316.334.55(571.513)

INFORMAL RURAL LABOR PRACTICES (ON THE EXAMPLE OF KHAKASSIA)**Olga L. Lushnikova,**

oltolt@mail.ru

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History,
23, Shchetinkin street, Abakan, 655017, Russia**Olga L. Lushnikova**, Cand. Sc., senior researcher, Khakass Research Institute for Language, Literature and History.

*The socio-economic situation in rural areas with high unemployment changes the labor behavior of the rural population. Labor capabilities of remote areas are limited. Population of remote areas is forced to look for different ways of earning money in their place of residence. They often find it in the informal economic sector. Informal employment is mostly casual, it does not provide social guarantees and low-paid. This situation provokes an increase in poverty and leads to an aggravation of social contradictions in rural areas. The purpose of this article is to identify informal employment practices and their impact on the material well-being of rural remote population. The survey was conducted in the Republic of Khakassia. **Methods.** The empirical basis for the study was the data of a sociological survey in 2022 among residents of remote areas of Khakassia. The population of large (from 500 to 1000 people) and small (up to 500 people) countryside was interviewed. The final sample was 404 people. The results of 33 interviews were also used. **Results.** Population of remote rural areas is quite active in additional employment, although it is more often forced. Additional employment is often not officially registered, is issued on a part-time basis, although the amount of work corresponds to the full-time rate. Also the one does not bring tangible income. Side gig is the most widespread practice of informal employment in rural areas. There are traditional and non-traditional activities of side gig. Additional employment has a positive effect on improving the material well-being in large countryside, personal subsidiary farming is in small countryside, in particular cattle breeding.*

Key words: informal employment, additional employment, episodic employment, casual earnings, personal subsidiary farm, countryside, Khakassia.

REFERENCES

1. Barsukova S.Yu. Neformalnaya ekonomika: ponyatie, istoriya izucheniya, issledovatel'skie podkhody [Informal economy: concept, history of study, research approaches]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012, no. 2, pp. 31–39.
2. Kapeliushnikov R.I. Informality in the Russian labor market: what do alternative definitions tell us? *The Journal of the New Economic Association*, 2013, no. 4 (20), pp. 52–83. In Rus.
3. Vodopyanova A.I., Leonova L.A. A study on the nature of informal employment. *Financial analytics: science and experience*, 2015, no. 6 (240), pp. 13–23. In Rus.
4. Msigwa R., Kipesha E.F. Determinants of youth unemployment in developing countries: Evidence from Tanzania. *Journal of economics and study sustainable development*, 2013, no. 4 (14), pp. 67–76.
5. Belov E.A. Informal employment of the population in the socio-philosophical dimension. *Intellect. Innovations. Investments*, 2020, no. 6, pp. 111–119. In Rus. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-111.
6. Karimov A.G., Fatkullina G.R. Informal employment as a factor in poverty among the working population. *Fundamental research*, 2021, no. 1, pp. 61–65. In Rus. DOI: 10.17513/fr.42950.
7. Sergeeva Yu.A. The labor metamorphoses. Modern interpretations. *RSUH/RGGU Bulletin. «Philosophy. Sociology. Art studies» Series*, 2019, no. 3, pp. 35–45. In Rus. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-35-45.
8. Barysheva G.A., Baryshev A.A., Chan T.B.N. Transformation of the pattern of employment and working life in the postfordist era]. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2022, no. 4 (47), pp. 146–154. In Rus. DOI: 10.18799/26584956/2022/4/1434.

9. Razumov A.A., Tsygankova I.V., Antonova G.V., Nikishina O.Yu. *Nestandartnaya zanyatost kak forma ispolzovaniya rabocheho vremeni (rossiyskiy i zarubezhny opyt)* [Non-standard employment as a form of using working time (Russian and foreign experience)]. Moscow, Dashkov i Ko Publ., 2017. 171 p.
10. Sankova L.V. Precarious employment in the modern economy: systemic risk or «special» form of flexibilisation. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2014, no. 4 (194), pp. 44–53. In Rus. DOI: 10.12737/7400.
11. Toshchenko Zh.T. *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat: from proto-class to new class]. Moscow, Nauka Publ., 2018. 350 p.
12. Solovchenkov S.A. The transformation of the employment structure of the Amur region rural population in modern Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii (The journal of sociology and social anthropology)*, 2013, no. 4, vol. 16, pp. 184–188. In Rus.
13. Averkieva K.V. Labor markets and role of «otkhodnichestvo» in the employment of rural residents of non-chernozem zone of Russia. *Izvestiya Rossiiskoy Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2016, pp. 1, pp. 25–37. In Rus. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-1-25-37.
14. Biltrikova A.V. The Problem of Poverty of the Rural Population of the Republic of Buryatia. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem: elektronny zhurnal*, 2012, no. 9 (17), pp. 31–43. In Rus.
15. Shabanov V.L. Resursy selskikh domokhozyaystv kak faktor proizvodstvennogo potentsiala APK [Resources of rural households as a factor of agricultural production potential]. *Ostrovskie chteniya*, 2018, no. 1, pp. 31–35.
16. Kopylova Yu.V. Sotsialnoe predprinimatelstvo kak odin iz vidov alternativnoy zanyatosti v selskoy mestnosti [Social entrepreneurship as a type of alternative employment in rural areas]. *Sbornik statey III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Razvitie rynka truda na sovremennom etape sotsialno-ekonomicheskikh preobrazovaniy* [The development of the labor market at the present stage of socio-economic transformations. Collection of articles of the III All-Russian Scientific and Practical Conference]. Penza, Penza state agrarian university Press, 2020. pp. 47–52.
17. Subrakova L.K. Assessment of informal economy of small villages of the republic of Khakassia. *Scientific research and development. Economics of the firm*, 2019, vol. 8, no. 3, pp. 90–100. In Rus. DOI: 10.12737/article_5d7b46c5d4d2f4.32281713.
18. Shabanov V.L. Structural features of rural poverty and ways to overcome it. *Regionalnye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya*, 2020, no. 4, pp. 83–89. In Rus.
19. Velikiy P.P., Morekhanova M.Yu. Identity of modern agrarian society with peasant's traditionalism as a social resource for the functioning of the agrarian sector. *Regionalnye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya*, 2019, no. 1, pp. 14–22. In Rus.
20. Aslanov Sh.S., Perederiy V.A. Actual problems of sustainable development of rural areas of Krasnodar region (based on sociological research). *Theory and Practice of Social Development*, 2019, no. 10 (140), pp. 24–29. In Rus.

Reviewed: 27 January 2023.

Reviewed: 3 March 2023.